

У НОГ АМАЛИИ ПРЕКРАСНОЙ

Дмитрий Панфилов,
*председатель общества пушкинистов «Захарово»,
кандидат филологических наук*

В годы южной ссылки в один из приездов в Одессу А.С. Пушкин познакомился с Иваном Степановичем Ризничем. Едва ли поэт мог предполагать, что это знакомство станет началом самой мучительной и запутанной любовной истории в его жизни.

Иван Ризнич, родом серб, родился в Триесте в 1792 году в семье торговца. Он окончил два университета, падуанский и берлинский, содержал в Вене банкирскую контору, потом переехал в Одессу, где открыл крупную корпорацию для экспорта хлеба из России. Ризнич знал три языка, страстно любил итальянскую оперу. В Одессе пользовался уважением «отцов города» и был назначен представителем города в делах Одесского театра.

В 1822 году И.С. Ризнич решил жениться и уехал в знакомую и любимую им Вену за невестой. Его выбор пал на Амалию Рипп — дочь видного венского банкира, австрийского еврея и флорентийки с примесью немецкой и австрийской крови. Амалия была совсем юной, ей едва исполнилось девятнадцать.

Ивану Степановичу шёл тогда тридцать первый год.

Весной 1823 года Амалия вместе с матерью приезжает в Одессу. Дом Амалии Ризнич на Херсонской улице широко открыт для «золотой молодёжи». Сюда зачастили В. Туманский, И. Собаньский, А. Раевский, А.С. Пушкин. Иван Ризнич писал, что Пушкин увидался около Амалии как котёнок.

Амалия держалась с вызовом, ходила в мужской шляпе и любила наряд амазонки, дразня мужчин овальными линиями молодого тела. Она грациозно держалась в седле, увлекалась танцами, картами, шахматами, прекрасно пела и играла на фортепиано, во всё вкладывая силу и страсть. Лишь русский язык освоить ей не удалось.

Её большие миндалевидные глаза напоминали морской прибор, то сгущаясь до синевы моря, то темнея, как ночное южное небо. Красоту Амалии подчёркивали белизна длинной шеи и великолепная чёрная коса. Правда, её несколько портил нос с греческой горбинкой, что послужило поводом Пушкину написать шуточное стихотворение «Мадам Ризнич с длинным носом».

По живости и быстроте движений, по неуёмности желаний трудно было представить, что жить ей оставалось менее трёх лет. Может быть, поэтому она так торопилась...

В салоне первой леди Одессы Е.К.Воронцовой Амалию не приняли по причине эксцентричности, «лёгкости обращения» и в связи с социальным статусом купчихи. В пикку губернаторше у неё дома был свой салон, открытый всем.

А.С. Пушкин познакомился с ней в июле 1823 года в театре и сразу же увлёкся неотразимой Амалией, легко распознав в её раскованности знакомые черты петербургских дам полусвета.

Роман развивался стремительно. В октябре 1823 году Пушкин пишет элегию «Ночь», первое посвящение Амалии Ризнич. Некоторые пушкинисты (П.Е. Щёголев, Т.Г. Цавловская) связывают элегию с Е.К. Воронцовой. Но Воронцова приехала в Одессу 6 сентября 1823 года, а черновые наброски «Ночи» были сделаны ещё до знакомства поэта с Е.К. Воронцовой¹.

Л.П. Гроссман считал, что элегия посвящена Марии Раевской, «утаённой любви поэта», но Мария с 1816 по 1825 год находилась в Киеве, где её отец командовал одним из корпусов второй армии и молодые люди не встречались². Так что «Ночь» была написана персонально для Амалии. С «Ночи» начались пушкинские элегии. Это был новый жанр лирики, медитативное стихотворение, выражающее личное переживание, преимущественно печальное. В. Белинский назвал элегии «песнями грустного содержания».

Первый сборник стихов Пушкин открывает разделом «Элегия», куда было включено

¹ Аринштейн Л.М. Пушкин, непричёсанная биография. Изд-во «Муравей». М., 1998 г. С. 39.

² Рябцев Е.А. 113 прелестниц поэта. Изд-во «Феникс», Ростов-на-Дону, 2000. С. 289.

17 элегий, большинство которых посвящено Амалии. Ещё 33 стихотворения в различных последующих редакциях и вариантах имели название «Элегия».

Пушкин часто бывал в доме Амалии, причём не только на вечерах, когда было много народу, но и днём, когда она была одна, часто сопровождал её на конных прогулках, поджидал в доме после обеда, пока она передевалась, чтобы поехать в театр. Ризнич в театре чувствовала себя как дома, и не потому, что делами театра управлял муж. Блеск театра, итальянская музыка так напоминали её Флоренцию.

Всё это вспоминает поэт в Михайловской ссылке:

А ложе, где красой блистая
Негоциантка молодая,
Самолюбива и томна
Толпой рабов окружена?
Она и внемлет и не внемлет,
И каватине, и мольбам,
И шутке с лестью пополам.

В июне-июле в Одессе выступала оперная труппа итальянских актёров с примадонной Аделиной Каталани. Давали «Сороку-воровку», «Севильского цирюльника», «Итальянцев в России», «Клотильду», «Золушку». Играл огромный по тем временам оркестр — 25 человек! Амалия присутствовала на всех представлениях, «красой блистая» в директорской ложе, а Пушкин, находящийся в зале, не сводил глаз с «негоциантки молодой».

Когда Иван Ризнич по делам службы задерживался после спектакля, поэт возвращался домой с Амалией морем. Шум волн, шуршание прибоя, крупные мерцающие звёзды, горячие дрожащие пальцы Амалии... У Пушкина проплывали видения далёкой Италии, в которой он никогда не был; и здесь, в лодке, у ног Амалии рождались стихи:

**Ночь светла; в небесном поле
Ходит Веспер золотой,
Старый Дож плывёт в гондоле
С Догарессой молодой³.**

В июле 1823 года, работая над первой главой «Евгения Онегина», Пушкин рисует Амалию. Это был первый рисунок возлюбленной. Потом их будет множество.

12 октября 1823 года Иван Ризнич приглашает многочисленных гостей к себе на день рождения на Херсонскую улицу. Единственным человеком, который пришёл без его приглашения, был Пушкин. Его пригласила Амалия.

В декабре 1823 года поэт начинает новую элегию. Стихи буквально проникнуты любовью, каждая строчка дышит страстью. Элегия ещё не имела названия, пока это только черновик.

**Когда желанием и щастьем утомлённый,
Я на тебя гляжу коленопреклонённый,
И ты мне говоришь, меня (ты) обнимаешь,
... ..**

**В уста взойдёшь и лечишь поцелуем,
Дыханьем жарких уст с любовью вливаешь, —
(Чего тогда) мы ждём, о чём тогда тоскуем?
И слёзы на глазах, с любовью**

**Ты думаешь, щастлив ли я?
... .. Я не завидую богам!»**
(декабрь 1823)

Два года Пушкин не возвращался к этому черновику, только в 1825 году заканчивает его и переадресовывает Каролине Собаньской, давая название элегии «Желание славы».

**Когда, любовью и славой упоенный,
Безмолвно пред тобой коленопреклонённый,
Я на тебя глядел, и думал: ты моя, —
Ты знаешь, милая, желал ли славы я ...**

У Амалии были свои понятия о супружеской верности, и она охотно окружала себя поклон-

никами. Пушкин вскоре убедился, что те самые черты возлюбленной — легкомыслие и раскованность, простота общения и кажущаяся наивность, которые помогли ему добиться желаемого, теперь обернулись против него. Взбешённый, он пускает по Одессе эпиграмму об Амалии:

**Толпа поклонников у ваших ног
Дозвольте мне быть между ними.**

В первой половине октября 1823 года он набрасывает начерно элегию «Простишь ли мне ревнивые мечты», которую заканчивает и ставит дату: «11 ноября, 1823 г., Одесса, А. Ризнич».

**...Скажи ещё, соперник вечный мой,
Наедине застав меня с тобой,
Зачем меня приветствует лукаво?
Что ж он тебе?**

Памятник А.С. Пушкину в Одессе, на Пушкинской улице

³ Брюсов В. Александр Сергеевич Пушкин. Изд-во «Москва». 1920. С. 146.

Соперник поэта — не вымышленное лицо, это молодой польский шляхтич Исидор Собаньский, родственник Каролины Собаньской.

По словам современника, «Ризнич внимательно следил за поведением своей жены, заботливо оберегая её от падения, к ней был приставлен верный его слуга, который знал каждый шаг жены своего господина и обо всём доносил ему»⁴. Но обуздать темперамент молодой жены Иван Степанович не мог. Игнорируя приличия света, Амалия отдаёт сердце Исидору Собаньскому. У Пушкина в это время тоже душевная драма, он разрывается между тремя женщинами: Елизаветой Воронцовой, Амалией Ризнич и Каролиной Собаньской. И он решается на отчаянный шаг — пишет Амалии, что понимает её увлечение Собаньским и прощает её. Его любит другая женщина:

**Но я люблю, тебя я понимаю,
Мой милый друг, не мучь меня, молю...**

В.И. Туманский писал в 1824 году об одесских дамах: «Все приманки ума, ловкости просвещения должны быть употреблены, дабы внушить мужчине и охоту к светским удовольствиям, и признательность к дамам. У нас ничего этого нет — замужние наши женщины, выключая прекрасную любезную госпожу Ризнич, дичатся людей»⁵.

В 1823 году Пушкин пишет элегию «Ненастный день потух...», посвящая её Амалии. После первых 17 строк автор ставит многоточие:

**Одна... ни чьим устам она не предаёт
Ни плач, ни влажных уст, ни персий
белоснежных...**
... ..
... ..

⁴ Рябцев Е.А. 113 прелестниц поэта. Изд-во «Феникс», Ростов-на-Дону, 2000. С. 14.

⁵ Щёголев П. Амалия Ризнич и поэзия А.С. Пушкина // Помещик Пушкин и другие очерки. Изд-во «Захарово». Москва. 2000. С. 112.

затем продолжает:

**Никто её любви небесной не достоин,
Не правда ль: ты одна... ты плачешь...
я спокоен...**
... ..
Но если...

Автор неожиданно обрывает элегию, она так и осталась незаконченной. Исследователи считали, что вторая часть адресована Собаньской.

В 1923 году в библиотеке Пушкинского Дома М.Л. Герман отыскал экземпляр первого прижизненного издания элегии, где неизвестной рукой после слов «но если» заполнена незаконченная строфа:

**Но если праведно она заклокотала,
Но если не вотще ревнивая тоска
И с вероломства покрывало
Сняла дрожащая рука,
Тогда прости любовь — с глаз сброшена по-
вязка,
Слепец прозрел, отвергну стыд и лесть,
Взамен любви в душе лелеет месть,
И восточный кинжал той повести
развязка⁶.**

Кому посвящены эти стихи? Конечно, не Собаньской и не Амалии.

Пушкинская рукопись не найдена, поэтому сегодня элегия печатается с многоточиями и пропусками, как и в черновой тетради поэта в 1823 году, а «Дополнение» до сих пор — предмет изучения и споров исследователей.

В первых числах октября 1823 года на черновиках стихов поэт рисует головку и фигуру Воронцовой, в начале ноября на полях множественные головки Амалии, в декабре в тетради, где пишется II глава

⁶ Григорян К.Н. Пушкинская элегия. Изд-во «Наука». Ленинград. 1990. С. 131.

«Евгения Онегина» рядом с XXIX и XXX строфами он утром рисует Воронцову, вечером Ризнич.

В конце ноября 1823 года наступает перемирие. Амалия не боится ни слезки, ни сплетён, ни гнева мужа. В альбом Амалии поэт пишет:

**Мой голос для тебя и ласковый и томный,
Тревожит позднее молчанье ночи тёмной,
Близ ложа моего печальная свеча
Горит: мои стихи, сливаясь и журча,
Текут ...**

Первое время поэт счастлив. Волшебные очи Амалии завораживают его.

Амалия среди гостей держалась вольно и непринуждённо, давая молодым людям призрачную надежду; весело танцевала, пела, играла в фанты. Про дом Ризнича говорили: «У Ивана Степановича всё не как-нибудь: фрукты из Мессины, жена из Флоренции».

В эти дни стихи буквально плывут из-под пера поэта.

**Я умолял тебя недавно
Обманывать мою любовь,
Участьем, нежностью притворной
Играть душой моей покорной
В неё вливать покой и яд...**

11 ноября 1823 года Пушкин пишет «Простишь ли мне ревнивые мечты». Эта элегия — испытание чувств красавицы. Пафос стихотворения определяют не досада, не чувство обиды, а противопоставление кокетству высокой нравственности и чувства собственного достоинства.

**Ты мне верна: зачем же любишь ты
Всегда пугать моё воображеньё?
Окружена поклонников толпой,
Зачем для всех казаться хочешь милой,
И всех дарить надеждою пустой...**

Элегия написана для Амалии, но поэт имел неосторожность вписать её в альбом Собаньской, то ли движимый ревностью, то ли

в качестве подарка (но не посвящения!). Томашевский писал, что бывают минуты, когда надо что-то подарить женщине, а под рукой ничего нет. Как бы то ни было, но с тех пор элегию стали называть «элегией Собаньской».

Семь лет прошло после одесского увлечения Каролиной, и снова, но уже в Петербурге, они встретились. В ответ на записку Собаньской Пушкин снова повторяет элегию «Простишь ли мне...», но уже в прозе и на французском языке. Это был подробный перевод написанной ранее элегии. Если она была написана первоначально для Каролины, то зачем надо было повторять её в прозе, да ещё по-французски: «Я испытал на себе всё высшее могущество. Вам обязан я тем, что познал всё, что есть самого судорожного и мучительного в любовном опьянении»⁷. Сегодня этот перевод хранится в Пушкинском Доме.

Стараясь заглазить неловкость, Пушкин в начале 1830 года пишет Каролине мадригал, и хотя её одесская соперница давно мертва, он напоминает ей об этом:

**Что в имени тебе моём?
Оно умрёт, как шум печальный
Волны, плеснувшись в берег дальний,
Как звук ночной в лесу глухом,
Оно на памятном листке
Оставит мёртвый след, подобный
Узору надписи надгробной
На непонятном языке.**

«Мёртвый след», «надписи надгробной», «на непонятном языке», «берег дальний» — всё это дань памяти Ризнич.

⁷ Яшин М. И так, я жил тогда в Одессе // Утаённая любовь Пушкина. Изд-во «Академический проект», С-Петербург, 1997. С. 424.

В январе 1824 году у Амалии родился сын, которого она назвала Александром, но муж упорно называл его Стефаном. В метрической книге записано: «1-го января родился младенец Александр от родителей Коммерции советника 1-й гильдии и жены его Аксинии». Вместо чуждого русской православной церкви имени «Амалия» дьячок вписал другое имя.

В апреле 1824 года Амалии удалось убедить Пушкина, что ребёнок его. Ему очень хотелось верить, что Амалия любит его. «Я верю, я любим; для сердца нужно верить».

В первых числах октября 1824 года Пушкин пишет стихотворение «Младенец». Маленькому Александру уже полгода.

**Дитя, не смею над тобою
Произносить благословенья,
Ты взором, мирною душой
Небесный ангел утешенья...**

Поэт начал его как обращение к девочке, затем выбросил все указания на пол ребёнка, зачеркнул название «Ребёнку», заменив его на «Младенцу». Стихотворение так и осталось в черновике, до белой редакции он его так и не довёл.

Пушкин дважды брался за эту тему в 1824 году:

**Прощай прелестное дитя!
Я не скажу тебе причины...
... ..
и
Играй прелестное дитя,
В саду беги за мотыльками...**

По поводу этих стихотворений до сих пор ведутся споры: Амалии Ризнич и Александру или Елизавете Воронцовой и Софье посвятил их поэт. Стихи при жизни поэта не печатались. Первое было опубликовано толь-

ко в 1884 г., второе В. Брюсов напечатал с небольшими комментариями лишь в 1912 году.

Примирить спорщиков может хронология: Александр Ризнич родился 1 января 1824 года, Софья Воронцова — 3 апреля 1825 года. Стихи были написаны в 1824 г.

В январе 1825 года, заканчивая главу «Цыган», Пушкин раздумывает над тем, чтобы завершить её благословением родившегося в свободной любви ребёнка:

**Алеко с радостью в очах
Младенца держит на руках
И крику жизни жадно внемлет:
«Прими привет сердечный мой,
Дитя любви, дитя природы...»**

Однако в окончательный текст поэмы Пушкин ничего этого не включил.

В апреле 1824 года поэт увлёкся Е.К. Воронцовой. Он равнодушно относится к кокетству Амалии, и даже желает, чтобы кто-то серьёзно увлёк её. В одесской тетради он записывает новую элегию:

**Всё кончено: меж нами связи нет,
В последний раз обняв твои колени
Произносил я горестные пени,
Всё кончено — я слышу твой ответ ...
... ..
и
Не для тебя сотворена любовь,
Ты молода, душа твоя прекрасна
И многими любима будешь ты.**

Весь 1824 год Амалия была больна. Врачи ставили ей скрытую форму чахотки. Изнурительная лихорадка и кашель изводили её. Роды обострили болезнь, а переживания, связанные с разрывом отношений с Пушкиным, которого она продолжала любить, усугубили её болезнь.

В 1824 году Иван Ризнич писал Киселёву: «У меня большое несчастье со здоровьем моей жены. После её родов ей становится всё хуже и хуже. Изнурительная лихорадка, непрерывный кашель, харканье кровью внушило мне самое острое беспокойство».

В начале мая 1824 года И. Ризнич отправляет Амалию на лечение в Италию. Она уезжает вместе с сыном Александром, матерью, служанкой и слугой Филиппом. Пушкин провожал её до самого трапа парохода. За границей к Амалии присоединился Иржи Собаньский. Об их связи слуга Филипп, приставленный Ризничем к жене, тут же донёс своему господину. Возмущённый Иван Ризнич письмом известил Амалию об отказе в денежном содержании ей и сыну. Собаньский вскоре бросает чахоточную любовницу. Отец Амалии банкир Рипп, человек строгих католических правил, отказал блудной дочери в материальной поддержке.

Амалия Ризнич умерла 22 лет в нищете, всеми брошенная и забытая. Судьба сына Александра неизвестна.

Через год отец Амалии приехал в Италию и перезахоронил прах дочери с сиротского погоста на самом дорогом генуэзском кладбище.

О смерти Амалии Пушкин узнал только в 1826 году в Михайловском. Образ мёртвой возлюбленной долго не давал поэту покоя.

**Под небом голубым страны своей родной
Она томилась, увядала...
Увяла, наконец, и верно надо мной
Младая тень уже летала.**

Образ осени в болдинском стихотворении «Осень» навеян мыслями о возлюбленной:

**... мне нравится она,
Как, вероятно, вам чахоточная дева
Порою нравится, на смерть осуждена,
Бедняжка клонится без ропота, без гнева...
... ..
Играет на лице ещё багровый цвет,
Она жива ещё сегодня, завтра нет.**

В стихотворении нет тепла, сочувствия, трагедии.

**Из равнодушных уст я слышал смерти
весь,
И равнодушно ей внимал я.**

Мысли о Ризнич снова и снова возвращали его в Одессу:

**Я вспомню речи неги страстной,
Слова тоскующей любви,
Которые в минувши дни
У ног Амалии прекрасной
Мне приходили на язык...**

В окончательной редакции Пушкин вычеркнул имя Амалия, заменив его словом «любовница».

В элегии «Когда порой воспомина-
нье...» поэт бежит от мёртвой тени Амалии, он готов скрыться от людей, улететь в забвение, туда,

**Где море тёплой волной
На мрамор ветхий тихо плещет,
И лавр, и тёмный кипарис
На воле пышно разрослись
Где пел Торквато величавый.**

Тёплое море, ветхий мрамор, лавр и кипарис находятся там, «где пел Торквато», а это место не в Крыму и не в Одессе.

В творчестве Пушкина было ещё «Заклинание», «Иностранке». Но напрасно поэт звал возлюбленную:

**Явись, возлюбленная тень,
Как ты была перед разлукой.**

Уже после женитьбы, в 1832 г. Пушкин пишет последнее стихотворение об Амалии, самое искреннее и правдивое:

Нет, я не дорожу мятежным наслажденьем,
Восторгом чувственным, безумством,
исступленьем,
Стенаньем, криками вакханки молодой,

Когда вивась в моих объятиях змеёй,
Порывом пылких ласк и язвою лобзаний
Она торопит миг последних содроганий!

... ..

О, как милее ты, смиренница моя!

О, как мучительно тобою счастлив я,

Когда, склонясь на долгие моления,

Ты предаёшься мне, нежна без упоенья,

Стыдливо-холодна, восторгу моему

Едва отвечаешь, не внемлешь ничему

И оживляешься потом всё боле, боле —

И делишь, наконец, мой пламень поневоле!»

19 января 1832 г.

В.В. Вересаев писал: «В сущности перед нами подробнейшее, чисто физиологическое описание... А между тем читаешь — и изумляешься: произошло волшебство, что грязное неприличие, голая физиология превратилась в такую чистую, глубоко целомудренную красоту. П.И. Бартенев рассказывал Н.О. Лернеру, что когда он прочитал это стихотворение С.Т. Аксакову, тот побледнел от восторга и воскликнул: «Боже, как он об этом рассказал!»⁸.

Пушкин описал психофизиологические портреты двух типов женщин. Исследователи единодушно признали во второй части стихотворения Наталию Николаевну. Но о ком поэт пишет в первой части? Споры и догадки продолжались более 170 лет. Психо-социально-исторический анализ личности, микроскопическое исследование пушкинских элегий, стихов и эпистолярного наследия свидетельствуют: только одна женщина может претендовать на роль «вакханки молодой» — Амалия Ризнич!

⁸ Громбах С.М. Пушкин и медицина его времени. М.: «Медицина», 1989. С. 101.

Бешеным темпераментом девятнадцатилетняя итальянка с «гремучей смесью» в крови и богатой чувственной фантазией смогла прельстить избалованного женским вниманием поэта.

Во тьме глаза блистают предо мною,

Мне улыбаются, и звуки слышу я:

«Мой друг, мой нежный друг...

Люблю ... твою... твою...

... ..

... ..

В уста взойдёшь и лечишь поцелуем,

Дыханьем жарких уст с любовью

вливаешь...

... ..

... ..

...Наедине со мною

Ты так нежна! Лобзания твои

Так пламенны! Слова твоей любви

Так искренно полны твоей душою...

... ..

Он пишет Амалии в Одессе, Михайловском, в Болдине, в Петербурге. До 1832 года написано 15 элегий, поэт упоминал её в «Каменном госте», в «Цыганах», в XV—XVI строфах VI главы «Евгения Онегина», в XIV строфе III главы «Онегина» Многократно рисовал её профиль и фигуру на полях черновиков. Ни об одной женщине поэт так не тосковал после разлуки, а тем более после смерти.

Достовернее адресата, чем Амалия Ризнич, на первую часть стихотворения не найти ни в биографии поэта, ни в его творчестве.

Где-то на генуэзском кладбище ветшает белоснежная гробница Амалии, а в заснеженной России её память увековечена не на мраморной плите Кампо-Санто, а в волшебных элегиях и стихах русского поэта.